А. П. СТЕПАНОВ

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ

ББК 63.3(2)
С79

Руководитель проекта, составление, макет
Ю. А. Кирюшин
Автор вступительной статьи и комментариев
Г. Ф. Быконя, доктор исторических наук, профессор КГПУ им. В П. Астафьева
Рецензенты:
В. И. Федорченко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук СФУ
О. К. Ампилогов, профессор кафедры «Рисунок, живопись и скульптура» СФУ
Консультант по флоре и фауне
И. К. Гаврилов, кандидат биологических наук, заведующий естественно-научным отделом Красноярского краевого краеведческого музея

При подготовке книги использованы материалы из архивов и фондов
Российского государственного архива древних актов (РГАДА), г. Москва;
Российского государственного исторического архива (РГИА), г. Санкт-Петербург;
Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург;
Государственного архива Красноярского края (ГАКК), г. Красноярск;
Российской государственной публичной библиотеки (РГБ), г. Москва;
Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ);
Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова (МКМ);
Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»;
Хакасского республиканского краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова;
Северо-Енисейского музея истории золотодобычи;
Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края;
издательства «Растр» и личного архива Г. Ф. Быкони

Дизайн **А. Ю. Кирюшин,** под редакцией **О. К. Ампилогова**
Допечатная подготовка **издательство «РАСТР»**
Верстка **С. И. Артемьев**
Корректура **Л. А. Киселева**

А. П. Степанов
С79 Енисейская губерния / вступ. ст. Г. Ф. Быкони. — Красноярск : РАСТР, 2017. — 268 с. : ил. с вк.
ISBN 978-5-901926-14-7

Издание осуществляется при поддержке государственной грантовой программы Красноярского края

Впервые переиздается в полном объеме труд «Енисейская губерния» первого в истории Красноярья губернатора Александра Петровича Степанова. Это ценное комплексное исследование создано после девятилетнего его пребывания на посту. Обильный полевой материал, собранный во время частых разъездов, знакомство с местными архивами и литературой позволили А. П. Степанову дать яркую по стилю и полную для своего времени характеристику растительного и животного мира, численности, сословного состава и хозяйственно-бытового уклада русского и коренного населения губернии.

Этот труд получил признание у научной общественности и был удостоен Демидовской премии. Видный ученый-экономист И. Ф. Герман в связи с этим писал: «Автор, бесспорно, человек чрезвычайно образованный, тщательно наблюдал все, что было доступно, и добросовестно передал читателям собранные сведения, но со всем тем он составил сочинение, которое должно почесть только предварительным трудом для будущего полнейшего ученого описания тамошнего края».

© Быконя Г. Ф., подготовка текста, вступительная статья, комментарии, 2017
© Кирюшин Ю. А., подготовка текста, макет, 2017
© Издательство «РАСТР», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Первый губернатор 6

ЧАСТЬ I

Отделение I
ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
Положение; пространство; пределы; общая местность; неровности земли; ее почва; воды; воздух 13
КОММЕНТАРИИ 40

Отделение II
ПРОДОЛЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
Царство минералов; царство растений; царство животных 49
КОММЕНТАРИИ 69

Отделение III
ТОПОГРАФИЯ
Учреждение губернии; пределы ее; разделение на округи; описание округов; народонаселение; рождение; браки; болезни; смерть. Количество земель; положение дорог; пути соединения; почта. 75
КОММЕНТАРИИ 116

Отделение IV
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
Звероловство, скотоводство, хлебопашество и другие отрасли; заводы; ремесла; рукоделия; торговля. Сбыт промышленности;

обязанности податного состояния. Результат. Пояснительные статьи. 133
КОММЕНТАРИИ 170

ЧАСТЬ II

Отделение V
АДМИНИСТРАЦИЯ
Особенное управление. Полиция. Новые поселения. Управление инородцами. Магазейны. Продовольствие хлебом, вином, солью. Приказ призрения. Оборот казенного сбора. Уголовные дела. Польза от городовых казаков. Народное образование. Вероисповедание. 177
КОММЕНТАРИИ 192

Отделение VI
ЭТНОГРАФИЯ
Происхождение народов бродячих и кочующих. Особое описание каждого из народов бродячих. Вера их, нравственность, обычаи, наружность, одежда. 195
КОММЕНТАРИИ 219

Отделение VII
ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ
Татары кочующие. Их одежда, вероисповедание, нравственность, занятия, забавы, степные законы. Казаки, старожилы крестьяне: их происхождение, наружный вид, наречие, способности ума, нравственность и проч. 223
КОММЕНТАРИИ 240

Отделение VIII
ОЧЕРК ИСТОРИИ
События с 1598 до наших времен. Прощальный взгляд на губернию. Различные взгляды на государственную хозяйственность. Потребность души великой. 241
КОММЕНТАРИИ 252

Список растений 256

ОТ РЕДАКЦИИ 266

Список изданий, использованных для иллюстраций 267

ПЕРВЫЙ ГУБЕРНАТОР

Российской общественности А. П. Степанов известен в первую очередь как литератор. Его первым биографом был писатель и литературный критик А. В. Дружинин, добросовестно изучивший произведения, рукописи и личный архив, вывезенный из Сибири Александром Петровичем и хранившийся у родственников.

У деда А. П. Степанова, Семена Моисеевича, было три сына: Ипполит, Руф и Петр. Оба дяди — люди оригинальной судьбы — не могли не привлечь пылкое внимание племянника. Ипполит Семенович при Елизавете Петровне служил в конной гвардии. Отставным ротмистром был выбран от дворян Верейского уезда Московской губернии депутатом в законодательную Уложенную комиссию 1767 года. На заседаниях Комиссии энергично защищал дворянские привилегии, поддерживая известного идеолога консервативного дворянства, историка князя М. М. Щербатова. На этой почве острый на язык, вспыльчивый и гордый отставной ротмистр нелицеприятно поспорил с фаворитом Екатерины II Григорием Орловым. В результате императрица, во многом обязанная троном братьям Орловым, «за дерзкие поступки» отправила Ипполита Семеновича в ссылку на Камчатку. В 1771 году из Большерецкого острога И. С. Степанов совершает неслыханно дерзкий побег на захваченном корабле. Другим организатором побега был польский конфедерат, отчаянный авантюрист М. А. Беньовский, впоследствии захвативший Мадагаскар и ставший его губернатором. В пути они разошлись во взглядах по поводу дальнейших действий. В итоге Ипполита Семеновича с единомышленниками высадили на острове Ява или в Японии. О дальнейшей их судьбе имеются противоречивые сведения.

Другой дядя, Руф Семенович, по характеру и взглядам составлял полную противоположность своему старшему брату. Широко образованный, он слыл мудрецом и мистиком. «Духовидцы» и «иллюминаты» признавали его своим оракулом и наставником. При этом Р. С. Степанов пытался практически

реализовать свои идеалы гуманизма и нравственного самосовершенствования. Он организовал «гернгутеровскую колонию» религиозно-мистического типа в Саратовской губернии и сам написал колонистам особый устав. Умер Руф Семенович слепым в глубокой старости в Москве.

Отец А. П. Степанова, Петр Семенович, как младший в семье, не получил богатого наследства. Он с отличием окончил Шляхетский кадетский корпус, прогрессивное для того времени учебное заведение, и в чине подпоручика был направлен в армию. Находясь с полком на квартирах в Смоленской губернии, познакомился с дочерью С. Ф. Кашталинского, человека богатого и знатного, с придворными связями. Молодые люди полюбили друг друга, но надменный богач был непреклонен. Начавшаяся вскоре Семилетняя война (1756–1762) на целых восемь лет разлучила влюбленных. Петр Семенович храбро воевал. Несколько месяцев жил в Берлине, был представлен прусскому королю Фридриху II и беседовал с ним. Русский офицер все больше увлекался прогрессивными для того времени, буржуазными по существу идеями французского Просвещения. Как пишет А. В. Дружинин, «Вольтер стал вожатаем и законодателем П. С. Степанова», хотя этот «фернейский мудрец» не стал для него абсолютным авторитетом.

В 1763 году, вернувшись в Россию премьер-майором (штаб-офицерский чин VIII класса чинов по Табели о рангах 1722 года), «твердый в своих взглядах и привязанностях», П. С. Степанов вновь посватался к Прасковье Семеновне Кашталинской, которая была верна своему чувству. Отец ее уступил, но не дал приданого, кроме одежды и нескольких крепостных слуг. Петр Семенович выходит в отставку и для получения средств к существованию определяется на гражданскую службу: сначала городничим в Козельске, затем выборным уездным судьей в Мещовском уезде, где у него было небольшое родовое имение. Умер этот добрый, веселый, с прогрессивными взглядами человек в 1791 году от апоплексического удара, когда первенцу, Александру, исполнилось всего девять лет.

Прасковья Семеновна, судя по сохранившимся семейным заметкам и отзывам современников, была «женщиной ума необыкновенного». Как пишет первый биограф А. П. Степанова, при воспитании старинном, самом слабом, она не только не терялась в присутствии просвещенных людей, но блистала разговорами и рассуждениями в самом образованном обществе. Дела по управлению имениями она повела отлично. У нее было только две деревни: Зеновка в Калужской губернии и Ивлево в Московской, но вскоре она прикупила еще три. Выстроила прекрасную каменную церковь и вблизи от нее большой деревянный дом на каменном фундаменте. Кроме того, развела фруктовый сад, приносивший доход, построила каменные оранжереи, выстроила мельницу. Под ее руками все шло живо и двигалось вперед. Весь околоток так ее уважал, что иные барыни, приезжавшие к ней в дом, подходили к ручке хозяйки.

Обучение и воспитание старшего сына сначала было домашним. В дом взяли иностранца-гувернера и одного из племянников в качестве «товарища для занятий». Однако учение не ладилось, поэтому, пожертвовав своими материнскими чувствами, Прасковья Семеновна отдала 11-летнего сына в частный пансион Шадена при Московском университете, но вскоре перевела в казенный университетский пансион, который считался лучшим в России учебным заведением этого типа. Одновременно по ходатайству дяди, обер-церемониймейстера М. Ф. Кашталинского, мальчика записали сержантом в один из самых престижных для дворян лейб-гвардейский Преображенский полк. Способный, с живым воображением, Саша быстро освоился в пансионе и делал большие успехи в изучении наук. В полной мере он отдал дань модному в то время среди молодых дворян увлечению изящной словесностью. Находясь под сильным влиянием творчества Н. М. Карамзина, все в университете и пансионе хотели быть поэтами и писателями.

Пять лет насыщенной духовной жизни в Москве, второй столице страны, пролетели для молодого Александра как один миг. Но со смертью Екатерины II и приходом к власти Павла I жизнь юноши изменилась. «Романтический» император, люто ненавидевший мать за многолетнее свое отлучение от престола, резко критически относился к ее политике по отношению к дворянству. «Золотой век» для природного российского дворянства окончился. Указ от 18 февраля 1762 года о вольности дворянства был отменен, и всем дворянам вменили обязательную службу. Многочисленных молодых дворян, формально записанных в полки, потребовали в строй. 16-летний Александр, не окончив полный курс приравненного к гимназии пансиона, вынужден был явиться в свой гвардейский полк, откуда, как сверхкомплектного, его перевели в полевую армию с повышением чина. Так новоиспеченный прапорщик (первый офицерский чин по Табели о рангах) А. П. Степанов оказался в Московском гренадерском полку, включенном в войска А. В. Суворова, которые уже двигались в Италию.

Походная служба молодого офицера не была особенно тяжелой. А. В. Дружинин считает, что при Суворове «слово “прапорщик” означало ребенка, которого надо было беречь по мере своих сил, которому в походе следовало давать пустое место в повозке, которого надо было при тяжелом переходе сажать на лафет орудия, а при настоящем деле держать за фалды для обуздания его пылкости». Доброжелательное отношение и внимание командиров к А. П. Степанову вряд ли определялось только его сословным происхождением. Несомненно, что, кроме молодости лет, связей матери и возможной протекции однополчан отца, гениальному полководцу импонировали личные качества молодого прапорщика. После недолгого пребывания в должностях ординарца и адъютанта при генералах С. С. Кушникове и П. Н. Багратионе А. П. Степанов оказался при штабе главнокомандующего. А. В. Суворов, узнав, что А. П. Степанов хорошо владеет пером, поручил ему писать ответы на поздравительные оды, которые присылались в главную квартиру. Не раз довольный полководец, сам не чуждый поэзии, называл своего ординарца «мой маленький Демосфен». Однажды молодой офицер в каком-то итальянском городе к официальной церемонии награждения отличившихся офицеров написал рифмованное произведение по-польски, которое было исполнено военными певчими. Во время раздачи наград А. В. Суворов подозвал к себе А. П. Степанова, надел ему крест ордена Иоанна Иерусалимского и, обратясь к дамам, вскричал: «Вот он, наш крошечный Демосфен!» Но не все на служебном небосклоне у юного офицера было безоблачно. Во время похода он подружился с сыном фельдмаршала Аркадием Александровичем, генералом. За самовольную отлучку с Аркадием Александровичем из главной квартиры на целый день А. В. Суворов посадил сына под арест, а прапорщику объявил: «Высеку мальчишку и к матери отпущу». Но буря миновала, и военная карьера блистательно продолжалась. Поручиком и кавалером А. П. Степанов был причислен к свите князя Горчакова, который отправлялся в Баварию договариваться о зимовке и отдыхе русских войск, изнуренных Итальянским походом. Быстрое окончание войны прервало насыщенное впечатлениями и самообразованием пребывание молодого юноши в Мюнхене и других городах Германии.

18-летний поручик А. П. Степанов вернулся в Россию, свободно владея, помимо французского, итальянским и немецким языками. Через несколько месяцев он влюбился в 15-летнюю дочь генерала Федора Быкова, которой давал уроки итальянского. Прелестная Катя ответила взаимностью своему учителю, но мать его не дала своего благословения, узнав, что у генерала нет состояния. Был у Прасковьи Семеновны и другой весомый аргумент: молодость жениха, военная карьера которого в случае женитьбы станет весьма проблематичной. Флегматичный отец невесты, полностью разделяя позиции матери жениха, тоже отказал ему, правда, добавив, что он лично не против брака и все зависит от Прасковьи Семеновны. Тогда пылкий поручик тайком венчается в ближайшем селе. Родители невесты прощают молодых, но Прасковья Семеновна, будучи в сильном гневе, запретила показываться ей на глаза и отказала во всякой помощи.

Сразу же выйдя в отставку с очередным чином штабс-капитана IX класса, 20-летний А. П. Степанов уехал с женой в столицу и через год, 5 декабря 1802 года, определился в Министерство юстиции. Министром был известный поэт И. И. Дмитриев, который стал покровительствовать начинающему собрату по литературному цеху и представил его Г. Р. Державину. Успешно шло и продвижение по службе. Через полтора года А. П. Степанов получил ранг коллежского асессора (VIII класс чинов по Табели) и должность столоначальника одного из отделов министерства. Однако растущая семья и материальные затруднения заставили расстаться со столицей и блестящим литературным обществом. Он уступил требованиям матери, которая согласилась простить сына и оказать материальную поддержку в случае переезда его на службу в родную губернию. Так А. П. Степанов в августе 1804 года оказался на должности губернского прокурора. Вскоре он приобрел там дом и зажил «спокойно и весело». По словам А. В. Дружинина, «острый, веселый и очень любезный в обществе, он был любим всеми, уважаем как человек, чиновник и литератор». В 1809 году А. П. Степанов получил очередной ранг коллежского советника VII класса чинов по Табели. Он даже стал местным землевладельцем, купив по случаю на занятые 20 тысяч рублей 600 душ и село Ловать с деревнями в Жиздринском уезде.

Отечественная война 1812 года резко меняет жизнь калужского прокурора. Отправив мать и свою большую семью в тамбовское имение дяди Руфа, А. П. Степанов вышел в отставку, чтобы поступить на военную службу. В Тарутино, где стояла главная квартира русской армии, ему предложили идти в адъютанты к одному из бывших начальников по Итальянскому походу — генералу Милорадовичу. Однако ему, полковнику по гражданскому чину, обладавшему обширными знаниями в области законодательства и опытом управления людьми, показались слишком скромными и обязанности адъютанта, и старый чин штабс-капитана IX класса, с которым его

только и могли принять в армию. Пока А. П. Степанов раздумывал, представилась новая должность, более соответствовавшая его способностям и служебным качествам. Он стал чиновником особых поручений при сенаторе П. Н. Каверине, который отвечал за снабжение армии продовольствием, а затем — за восстановление хозяйства и порядка в губерниях, освобожденных от французских войск.

В 1813 году А. П. Степанов ушел в отставку и уехал в свое имение Ловать, где стал заниматься воспитанием детей, а также систематической литературной деятельностью. В селе образовался целый пансион из детей хозяина и сыновей друзей и родственников. Сам хозяин преподавал русский язык, географию, историю и контролировал других учителей.

Хорошим хозяином, в смысле получения доходов с имения, А. П. Степанов не был, так как, по данным семейной хроники, «деньги тратил в изобилии с пользой и удовольствием». Он страстно увлекся садоводством: разбил хороший сад с редкими растениями, строил оранжереи и теплицы. Но каждое утро и поздними вечерами хозяин запирался в кабинете: писал стихотворения, краеведческие очерки, этнографические статьи, которые печатал в обеих столицах, а главное — дописывал и отделывал лирическую поэму «Суворов», начатую еще в Калуге. Общественное признание как литератор А. П. Степанов получил 26 февраля 1816 года, когда был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности при Московском университете.

Спокойная сельская жизнь длилась несколько лет. Затем дела по имению пошли все хуже и хуже, а в наступившие тяжелые годы его пришлось заложить в Дворянском банке и у частных лиц, чтобы спасти крестьян от голодной смерти. Помещик из А. П. Степанова явно не получался. С другой стороны, подраставшим детям (старшим Петру и Николаю уже было 13 и 12 лет) нужно было давать специальное образование, а на это требовались значительные средства. Поэтому А. П. Степанов в 1821 году направляет детей в Московский университетский пансион, а сам едет в столицу за мундиром чиновника и для устройства своих литературных дел.

Об этом новом столичном этапе жизни будущего енисейского губернатора известно сравнительно немного. Надежды поправить свои дела литературой не оправдались. Поэма «Суворов», напечатанная в 1821 году в Москве, подверглась суровой, но, как признал и сам автор, справедливой критике. Подходящая должность все не попадалась, хотя А. П. Степанов вновь восстановил знакомство с такими видными сослуживцами, как генералы Кушников, Милорадович, член Сибирского комитета Кочубей.

С 1822 по 1831 год А. П. Степанов служил в Енисейской губернии, по справедливому мнению А. В. Дружинина, «горячо, ревностно; край, ему вверенный, казался ему краем истинно поэтическим… уголком дорогого отечества». Именно на этом поприще в полной мере развернулась его незаурядная натура. Первый биограф А. П. Степанова правильно считает, что «в душе, смягченной наукою, просветленной строгими нравственными началами, подготовленной к власти опытом не напрасно прожитой жизни, не может быть неспособности к широкой и практической деятельности. Взгляд человека, взросшего на идеях красоты, добра и правды, всегда зорче, чем взгляд администратора по рутине, его сердце будет горячее, его слово окажется несравненно метче, а деятельность самобытнее и смелее».

А. П. Степанов оказывал всяческую поддержку честным, энергичным и способным чиновникам, например А. И. Мартосу, И. И. Галкину, А. К. Кузьмину, И. П. Петрову и др. Он активно участвовал в написании прогрессивного по своим установкам проекта «Степные законы для кочевых инородцев Енисейской губернии»; заботился о распространении просвещения и культуры; явился инициатором издания «Енисейского альманаха», одного из первых в Сибири литературных журналов; создал в Красноярске краеведческое общество «Беседы об Енисейском крае», просуществовавшее, по мнению советского историка Н. К. Чернышевой, с 1823 по 1827 год. А. П. Степанов как чиновник отличался честностью и гуманностью. Так, он предложил Красноярской городской думе выдать из состоящего в ней запасного капитала 1450 рублей на платеж податей за городскую бедноту. Впоследствии этот поступок был расценен как нарушение законности и послужил формальным поводом для того, чтобы сместить его с губернаторского поста и отдать под суд. Часть денег была возмещена горожанами, но на А. П. Степанова начислили оставшиеся к возмещению 1107 рублей с правом, если он пожелает, взыскивать эти деньги с неплательщиков. Он отказался, объявив себя неплатежеспособным. Долг был взыскан через суд за счет калужского поместья А. П. Степанова. Аттестацией красноярского губернатора являются также частые доносы местного жандармского полковника Маслова о его неблагонадежности.

Общественно-политические взгляды А. П. Степанова характеризуют и его широкие контакты с декабристами. По имеющимся данным, он был связан с находящимися в Енисейской губернии на поселении

Ф. П. Шаховским, С. И. Кривцовым, С. Г. Краснокутским и отчасти с М. И. Пущиным. После прибытия Ф. П. Шаховского в Красноярск на А. П. Степанова тотчас был отправлен донос в Петербург, что «государственный преступник задержался в Красноярске на три дня, и с него были сняты кандалы». В другой раз А. П. Степанову пришлось давать объяснение III отделению, почему часть переписки декабриста идет, минуя жандармский контроль. Енисейский губернатор пытался при удобном случае перевести Ф. П. Шаховского в Красноярск, поддерживал его опыты по выращиванию в северных условиях различных сельскохозяйственных культур; позаботился о бумагах больного декабриста, отправленного в Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь, сопроводив их словами: «Некоторые из сих посланий содержат в себе прекрасные слова».

Тесные отношения связывали А. П. Степанова с С. Г. Краснокутским. Они были приблизительно одного возраста и имели общих знакомых. При отъезде декабриста в Минусинский округ на поселение губернатор в частном письме А. К. Кузьмину просил оказывать Краснокутскому всякую помощь и защиту. А. П. Степанов пытался помочь декабристу устроить материальные дела, хлопоча о залоге его имения, поддерживал его научные занятия, ходатайствовал о разрешении С. Г. Краснокутскому посетить в Иркутской губернии Тункинские минеральные воды для лечения. В письме енисейскому губернатору от 29 января 1829 г. благодарный декабрист писал: «… так сочувствовать несчастью ближнего и смягчить, по возможности, его положение может только истинно благородная душа».

Сочувственно относился А. П. Степанов к С. И. Кривцову, товарищу его сына Николая. Губернатор поддерживал интерес декабриста к изучению Сибири, о чем свидетельствует письмо С. И. Кривцова к енисейскому губернатору с характеристикой почв Минусинского округа и земледелия Сибири. Об исключительно теплом приеме и свободе пребывания в Красноярске писал декабрист М. И. Пущин, что вряд ли было возможно без покровительства местного губернатора.

А. П. Степанов поддерживал знакомство с декабристами Ф. В. Раевским, братьями Михаилом и Николаем Бестужевыми, И. Штейнгейлем, которые находились на поселении в других местах Сибири. О сочувственном приеме и помощи при проезде через Красноярск вспоминали декабристы братья Беляевы, В. С. Толстой и Н. В. Басаргин. Жена декабриста П. Трубецкого Е. Н. Трубецкая писала своей матери о заботах А. П. Степанова по отношению к ней.

Именно близость к идеям 14 декабря и гуманные попытки как-то облегчить участь декабристов навлекли на енисейского губернатора гнев Николая I, который лично следил, чтобы сибирская администрация неуклонно выполняла все принятые против декабристов распоряжения. 26 апреля 1831 года А. П. Степанов был отрешен от должности и отправлен в отставку. Это стало тяжелым ударом для А. П. Степанова, который горячо полюбил сибирский край. Он даже решает остаться в Красноярске как частное лицо (жена и мать умерли в 1825 году). Освободив казенную квартиру (в доме Толкачева; ныне здание судмедэкспертизы по пр. Мира, 35), он перебирается в более скромный дом своего секретаря Ивана Григорьевича Родюкова, который преданно любил своего бывшего начальника. В журнале заседаний городской Думы за 14 января 1832 года сохранилась запись о том, что друзья А. П. Степанова занимали деньги у купца Новикова «для перестройки дома губернского секретаря Родюкова под квартирование Степанова».

Уступая настояниям сыновей и беспокоясь о судьбе дочерей, Александр Петрович все же в апреле 1832 года решился покинуть Красноярск.

В неопубликованных воспоминаниях красноярца И. Ф. Парфентьева (рукопись хранится в Красноярском краеведческом музее), отец которого служил при первом енисейском губернаторе, целый очерк посвящен А. П. Степанову. В нем отразились и детские впечатления автора, и рассказы отца, и предания горожан. Приведем несколько фрагментов из этого интереснейшего очерка, который свидетельствует, что и через 60 с лишним лет, на исходе XIX столетия, красноярцы сохранили об А. П. Степанове благодарную память: «…Генерала Степанова я помню как сейчас. Он был выше среднего роста, сложения крепкого, ходил скоро, говорил громко, глаза орлиные, быстрые, брюнет, волосы замечательно курчавые, годов должно быть 50, слишком гостеприимен и сострадателен, характера вспыльчивого… Губернатор в то время (то есть когда был у отца… в ноябре 1830 года) был со звездой и с белым орлом на шее в мундире Мальтийского Ордена белого сукна, отвороты и плечевые погоны золотые, толстыми витушками, потому что он, как я слышал, служил суворовским адъютантом…

Степанов любил подчас повеселиться. В царские дни у него всегда бывал обед и бал с хором певчих из казаков и батальонных музыкантов, но ни одного обеда не проходило, чтобы генерал не пригласил на обед родителя моего. Помню я, как отец рассказывал, что он явился на обед без медалей, губернатор сейчас обратил внимание: "Вы как будто пренебрегаете

монаршей милостью?" Отец на то объяснил, что он стесняется бывать на обедах с лентою, губернатор сказал: "Без разговоров возвратитесь домой, наденьте медаль и приходите на обед"…

Он ездил в Минусинский край, разрывал там древние курганы и много увез с собой редкостей. Татары считали его за высшего государственного сановника и возили на своих плечах. Плавал Степанов также и в Туруханский край с хором певчих и музыкантами и в то время сочинил песни "Злые люди пусть смеются", "Страну Востока оставляю" и "Между гор и Енисеем". На ноты переводил бывший с ним музыкант наш мещанин Илья Семенович Скорняков и Андрей Прохорович Попов. С этими грустными мотивами эти песни (романсы) остались и до сего времени…

Не только в Красноярске, но и во всей Енисейской губернии Александр Петрович оставил о себе весьма отрадное воспоминание. Отец мой, прослуживший и после отъезда Александра Петровича при губернаторах Ковалеве, Копылове, Падалке, постоянно в приличных разговорах говаривал, в особенности молодым чиновникам: "Вот бы вы послужили при г. Степанове, так знали бы службу и поучились уму-разуму".

Оставляя Красноярск, Александр Петрович, целуясь, прощался со всеми (как мне передавал отец) и плакал, говоря: "Я Сибирь до своей смерти не забуду", но провидению не угодно было продлить драгоценные дни доброго начальника. Он отсюда переведен был, кажется, в Саратов, послужив там немного, при отъезде в С.-Пб. дорогой якобы скончался. Мир праху твоему, честный гражданин! Да будет тебе, добрый человек, любовь Божья на небесах наградой!

Отец мой всегда при разговорах называл А. П. своим благодетелем. В память г. Степанова существует и теперь Степановская улица или переулок (ныне ул. Девятого января. — *Г. Б.*). Заботами… деятельностью его превосходительства в Красноярске в скором времени были воздвигнуты каменные здания для больницы, богадельни, дома умалишенных и воспитательного дома, батальонные и жандармские казармы, народное училище, городская Дума, городской публичный суд, рабочие дома, 3 корпуса для отделения кантонистов, словом, что требовалось по закону для губернского города — все это устроено было скоро и в приличном виде».

Оказавшись без средств (имение продано с аукциона за долги), А. П. Степанов жил в унаследованном сыновьями имении матери, занимался литературным трудом, в частности завершил капитальную книгу о Енисейской губернии. А. П. Степанов прожил в с. Троицком до осени 1834 года, затем уехал в столицу, где снимал небольшую квартиру в районе казарм Измайловского полка. Несмотря на громкий успех своего романа «Постоялый двор» и полученные от монарха 10 000 рублей за поднесенную Николаю I книгу о Енисейской губернии, дела не поправлялись. Старшим сыновьям еще нужно было помогать, за троих младших приходилось платить в пансион, младший оставался в Троицком, а две дочери воспитывались в казенных заведениях. Однако А. П. Степанов не роптал на судьбу, оставаясь благодушным философом. Он радовался, что может часто видеться с нежно любимыми детьми. Возобновив столичные связи, стал сотрудником «Библиотеки для чтения», сблизился с редактором О. И. Сенковским.

В 1836 году Николай I разрешил ему государственную службу и назначил губернатором в Саратов. Однако эта служба оказалась непродолжительной. Жесткие меры, предпринятые А. П. Степановым против старообрядцев, в частности по закрытию их Иргизского монастыря, вызвали справедливое возмущение общественности. Николай I отрешил его от губернаторской должности, но остался благосклонным, велев исполнительного чиновника причислить в статистический комитет Министерства внутренних дел с сохранением полного жалованья. А. П. Степанов был потрясен случившимся. Состояние духа его было подавленным. Летом 1837 года он вернулся в столицу грустным и больным и поселился в том же доме Княжнина. Почти каждый день А. П. Степанов ходил на могилу А. В. Суворова. Продолжил сотрудничество с «Библиотекой для чтения». В конце 1837 года крепкое здоровье пошатнулось: обострилось хроническое воспаление печени, и он впервые в жизни слег в постель. 25 ноября 1837 года на 57-м году жизни его не стало. После отпевания в столичном Троицком соборе А. П. Степанова перевезли в с. Троицкое, где и похоронили на церковной паперти у стены, напротив входа.

Труд Александра Петровича Степанова «Енисейская губерния» является ценным комплексным исследованием. Первая его часть, отделения I–IV (Физическая география в двух отделениях. Топография и Промышленность), посвящена физической и экономической географии. Автор приводит сведения о рельефе, речной сети, растительности и климате западной части современного Среднесибирского плоскогорья, подробно перечисляет реки и их притоки, в некоторых случаях описывает их берега, указывает длину, ширину и тип устья. Географические сведения А. П. Степанов сопровождал критическими замечаниями о работах предшествующих исследователей.

Подробно описаны почвы Енисейской губернии. Автор был близок к верному пониманию значения

почвенного слоя, отличающегося от коренных пород. А. П. Степанов, например, считал, что качество почв зависит от климата и подстилающей породы, поэтому в разных частях губернии почвы различны.

Общий характер растительного покрова А. П. Степанов связывал в основном с широтой и положением в рельефе. В понятие широты он включал главным образом климатические условия. Анализу этих условий уделил особое внимание, правильно обосновав причины «восточности», то есть континентальности, климата Сибири. Девятилетнее пребывание на посту губернатора, довольно частые разъезды по вверенной его управлению губернии, знакомство с имеющейся литературой — все это позволило А. П. Степанову привести в своей работе обильный фактический материал, который интересен и современным ученым. Так, видный советский специалист по истории географического изучения Восточной Сибири в XIX веке Н. Г. Сухова справедливо считает: «Данные о природе Средне-Сибирского плоскогорья, собранные Степановым, служили исследователям этой области в качестве существенной основы для ее дальнейшего изучения».

Трудно переоценить сведения книги о животном мире Приенисейского края. И в этой области А. П. Степанов обнаружил редкую наблюдательность, пытливость мысли, широкое знакомство со специальной литературой. В достоверности сообщаемых им сведений и нужности проделанной работы убеждаешься и при знакомстве с такими капитальными исследованиями по фауне Красноярья, как книга Е. Е. Сыроечковского и Э. В. Рогачевой «Животный мир Красноярского края» (1980), а также «Красная книга Красноярского края» этих же авторов с замечательными иллюстрациями художника-анималиста В. В. Бахтина (1995).

Сведения по демографии и экономике Енисейской губернии были получены главным образом из официальной отчетности. Губернаторские отчеты за 1823–1832 годы стали основным источником данных о численности населения, рождаемости, смертности, путях сообщения, состоянии и удельном весе «звероловства», скотоводства, хлебопашества, ремесел, промыслов русского и аборигенного ясачного населения. При этом автор не обольщался в отношении точности приводимых сведений и различных усредненных показателей, что, правда, не всегда уберегало его от ошибочных выводов, например, о темпах прироста русского населения за 100 лет, об уровне урожайности и т. д.

Вторая часть работы А. П. Степанова состоит из четырех отделений (Администрация, Этнография, Продолжение этнографии, Очерк истории), где рассматривается происхождение местных народов, их племенной состав, вера, обычаи, внешность, одежда, занятия, досуг. По этому же плану, но не так подробно описаны основные сословия и группы русского населения.

Как и в первой части, А. П. Степанов нередко полемизирует со своими предшественниками в деле изучения Приенисейского края (Ф. И. Страленбергом, И. Г. Гмелиным, П. С. Палласом, Г. И. Спасским, И. С. Пестовым, А. П. Словцовым и др.).

Уже современники высоко оценили работу А. П. Степанова. Петербургская Академия наук удостоила его половины Демидовской премии, которая с 1830 года ежегодно присуждалась за лучшие работы по Уралу и Сибири. Рецензент, видный ученый-экономист И. Ф. Герман, точно определил значение этого труда: «Автор, бесспорно, человек чрезвычайно образованный, тщательно наблюдал все, что было доступно, и добросовестно передал читателям собранные сведения, но со всем тем он составил сочинение, которое должно почесть только предварительным трудом для будущего полнейшего ученого описания тамошнего края». Н. С. Щукин, один из знатоков истории Восточной Сибири, отмечал: «Кроме ошибок в агрономических расчетах и лирических порывов автора в описании местности, книга эта изображает полную картину Енисейской губернии своего времени».

Первая часть «Енисейской губернии» была напечатана в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1834 год в шести номерах (№ 190–195), а также в журнале Министерства внутренних дел в 1835 году в томе XVII. С. 104–144, 426–446.

Использованная литература: Дружинин А. В. Александр Петрович Степанов. Автор «Постоялого двора» и «Описания Енисейской губернии» // Библиотека для чтения. СПб., 1857. Т. 144. № 7, 8. С. 81–112, 183–201; переиздание см. Дружинин А. В. Собрание сочинений. СПб., 1865. Т. 7. Очерки. Биографии. С. 714–766; Трубачев С. С. Карикатурист Степанов // Исторический вестник, 1891. Т. 43. Кн. 1. С. 463–464; Русский биографический словарь. Т. XIX. Смеловский — Суворина, СПб., 1909. С. 387–388; Троицкий С. М. Беньовский // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 178–180; Чернышева Н. К. Общественно-политические взгляды А. П. Степанова. Новосибирск, 1978. С. 276.

Отделение I

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Положение; пространство; пределы;
общая местность; неровности земли; ее почва; воды; воздух.

Сибирская тайга. Из книги «Живописная Россия»

Положение. Пространство.

В Северной Азии, между 92° и 126° долготы и 52° и 78° широты, лежит великая площадь земли, заключающая в себе 2,883,000 кв. верст [1]. Страна сия от юга на север пересекает всю Сибирь. Она к полюсу омывается морем Ледовитым; на восток прилегает к берегам рек Анабара, Илимпеи, Непы, Бирюсы и к подножию гор Байкала; на юг — к Монголии; на запад естественный рубеж ее составляют цепи гор Карлы-Хана, реки Чулым, Таз и устье Оби.

Общая местность.

Площадь ее, понижаясь беспрестанно от юга на север, вгибается от востока и запада в середину, по которой течет Енисей во все ее долевое протяжение; однако же пространство, лежащее по левую сторону сей реки, отклоняется несколько между 55° и 62° широты к западу. Южная часть площади заключает в себе хребты Алтая, возвышенные от поверхности Ледовитого моря на $1534\,^{2}/_{7}$ сажени (более 3000 м над уровнем моря. — *Г. Б.*); восточную и западную стороны Енисея обнимают хребты гор в различном направлении, оканчиваясь на севере тундрою, которая примыкает к морю.

Горы.

На сей площади самые высочайшие горы, те, которые отделяют ее от Монголии, ограничиваются от запада горами Карлы-Хан, а с востока горою Камыш-таг, стоящей между источниками рек Кызыра и Копа. Хребет их составляет последнее звено малого Алтая, называется *Саянским* и впадает в горы, которые, как говорит Гмелин [2], пролегают до последнего угла Сибири, находящегося между севером и востоком. В глубине хребта Саянского есть высочайшая гора Сабин-Дабага. От нее льются реки: Джоя, на северо-восток в Енисей, и Джебаш, на северо-запад в Абакан. Ветви гор, заключающиеся между сими реками, называются *Сабинскими*. На запад из Алтая выходит цепь гор. Она тянется к северу, окружает озеро Телецкое и отделяется от Саянских гор Абаканом. Цепь сия, называемая простонародно Белогорьем, по-татарски Ах-Таскылом, имеет первобытное название Карлы-Хан. От сей цепи одна ветвь вдается на северо-восток, огибает правый берег Чулыма и простирается до самого Енисея, пересекая цепь гор, идущую по левому его берегу. Отрасли ее отбрасываются далеко на север, на юг и лежат по берегам Уйбата, Иткуля, трех Кокс, Карыша. Горы сии можно назвать *Чулымскими*, ибо они окружают его течение. В углу между горами Чулымскими и Енисеем вытекает Кемчуг из гор, называемых *Кемчугскими*, которые, впрочем, есть не что иное, как обращенная на север отрасль гор Чулымских. Она расширяется также до берегов Енисея и тянется вплоть до устья Качи; она покрывает собою пространство от Енисея до Чулыма; она, уклоняясь к западу, подвигается на север под разными наименованиями до впадения реки Кемчуга в Чулым и далее к источнику Таза, до тундры. С обширнейшей равнины Сагайской при самом впадении Абакана в Енисей, на левом берегу сего последнего, в отдалении синеют Куня и Оглахта, начальные горы того хребта, который тянется по западному берегу Енисея и несправедливо назван от Палласа [3] Красноярским, потому что далеко еще, не доходя до сего города, прерывается смешением гор Чулымских и Кемчугских. Едва ли не правильнее назвать его *Абаканским*, ибо начинается возле устья Абакана. Горы *Енисейские* имеют весьма приличное название, потому что возвышаются над берегом сей реки, но не должно предполагать, что заключаются в одном беспрерывном хребте. Они рождаются из хребта Станового, ветви которого, выбиваясь от востока между Монголией и озером Байкал, примыкают к правому берегу Енисея не только

ГМЕЛИН
Иоган Георг
(1709–1755)

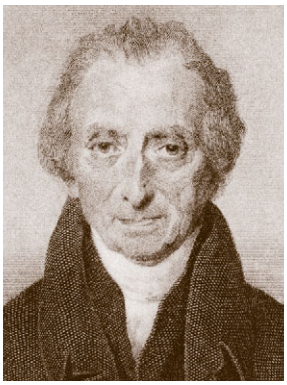
См. комментарий № 2

при его верховьи, но далее, по всему почти течению до источника Анабара, до тундры. Иногда ветви сии тянутся по рекам, впадающим в Енисей; иногда окаймляют сухие долины; иногда идут одна возле другой; иногда в большем друг от друга расстоянии. Ближайшие к югу имеют прямое направление на запад; но чем далее на север, тем более завиваются на северо-запад и у самого Анабара выпрямляются прямо на север. Все они различаются особыми породами.

Есть еще один хребет гор — *Пустынный*. Он простирается из неведомой конечности западного Таймурского мыса, изгибается несколько на запад и, достигнув 70° широты, завивается сначала на восток к реке Хатанге, а потом снова на север. Хребет сей не сообщается ни с каким другим. Горы его слишком сплюснуты, и в особенности там, где протягиваются параллельно к Хатанге; кажется, что они в сем месте или возникают, или оканчиваются. Бюффон [4] ошибся, будто в Старом свете все цепи гор идут от запада на восток: цепи Станового хребта распростираются и на север, и на запад; ветви, прилегающие к правому берегу Енисея, имеют направление к западу; цепи, сопровождающие бег Ангары, Средней и Нижней Тунгуски, имеют направление к западу. Ежели Бюффон не ошибся, однако же, в том, что все горы Нового света имеют направление от севера на юг, и ежели Пустынный хребет Енисейской тундры упирается в воды Ледовитого моря, то нельзя ли предположить, что он имеет связь с хребтами гор Северной Америки [5].

Исключая сей хребет, коего ни свойства, ни склонения слоев неизвестны, все почти описанные горы имеют отлогость от севера и обрывы к югу. Высокие Саянские горы с неровными обнаженными своими вершинами, некоторые цепи, примыкающие к восточной стороне Енисея от самого верховья до Нижней Тунгуски с вытянувшимися гранитными скалами, мрамором, порфиром, известью; горы Чулымские и ветви их, обращенные к югу с их металлическими жилами, — принадлежат, конечно, к горам первой степени, так же как и горы Карлы-Хана; но другие цепи из прилегающих к правому берегу Енисея, с их шиферными слоями, кварцевою породою и песчаником, или находящиеся по левому берегу Енисея, близ Красноярска, с их также шиферною, глинистою, мергельною породами, с каменным углем и горным маслом, не могут иначе быть принимаемы, как за горы второй степени. Горы Кемчугские ежели и принадлежат по некоторым свойствам к горам первой степени, но они так покрыты хрящем, песком, разрушенным кварцем, песчаником, так смешаны с породами гор низшей степени: мергелем, асфальтом, селинитом, что трудно сделать им точное определение без опытных геологических познаний. Вообще Кемчуги выказываются не с выгодной стороны там, где через них обыкновенно переправляются и где лежит на них только печать вечного сумрака, как общее свойство сих гор, по всему их направлению.

Горы Чулымские с наружности имеют в себе более частных картин, нежели в целом: цепь их извивается беспрестанно по течению Чулыма; оптика общего смешивается, и они кажутся более наброшенными, нежели составляющими надлежащую правильность цепи. Горы Карлы-Хана, или Белогорья, видны мало издали. В них углубляешься постепенно и открываешь прелестные отдаленности, украшенные водами, минуя только один или несколько отлогих холмов. Прелестнее всех, как и следует, хребет Саянский: он правильно

ПАЛЛАС
Петер Симон
(1741–1811)

См. комментарий № 3

Жорж-Луи Леклерк
де БЮФФОН
(1707–1788)

См. комментарий № 4

и величаво рисуется на небосклоне юга далее, нежели за полтораста верст, и чем ближе к нему приближаешься, тем яснее и живописнее открывается анфилада его ветвей, тем смелее выбегают в воздух седые вершины шестихолмистого Боруса и Этем; но разнообразнее, бесспорно, горы, окружающие Енисей: каждая ветвь, имея особенное положение, особенное свойство, сообщает им различные виды и красоты.

Провалы.

Горы второй степени заключают в себе много пещер, из которых большую часть можно назвать провалами, ибо имеют отверстия в сводах своих: массы обрухлевшие, сделав осадку, выдавили бока более тонкие, более удобные к разрушению; от чего, естественно, должны были образоваться пещеры. Такова селитренная пещера на западном берегу Белого Юса, имеющая в ширину до 5 аршин и до 30 в длину прямо на восток; ниже такова известковая, между реками Тессой (Тесью. — *Г. Б.*) и Коксой, в которую можно спуститься сверху вниз (разумеется, с помощью блока) и взойти в нее снизу, через полукруглое отверстие. Близ деревни Черной [6], с правой стороны речки Кулака, впадающей в Енисей, выходит, по словам поселян, каждую зиму из утесистой возвышенности густой пар с адским, серным запахом, летом из отверстия слышится рев и дует холодный ветер. На высоте сего утеса есть отверстие, прикрытое с одной стороны как будто вздувшеюся грудою камней и осененное ветвями кустарников и цветами пионов. Сие последнее обстоятельство показывает уже, что испарение, исходящее из пещеры, не может ни в каком случае быть ядовитым. Горло во внутренности отверстия расположено сначала на восток, потом поворачивается вкруте налево, потом направо. Дневной свет исчезает; нужно пособие огня. При помощи его спустясь несколько глубже, увидите в глубине дрожащий блеск — это струи реки, омывающей подножие утеса: итак, провал сквозной. Когда нижняя часть его обмерзает льдом, то пары водяные, подымаясь через пустоту утеса, являются из отверстия верхнего в виде дыма; а летом ветры, носясь по зыбям Енисея и вторгаясь в провал, наполняют верхнее устье его холодным дыханием и окрестность ревом.

Пещеры.

Настоящие пещеры находятся возле Коксы. Свод их из породы известковой и глинистой. Пещеры на берегах Енисея близ Красноярска из белого мергеля. Есть некоторые в серых шиферных утесах, проникнутых известковыми слоями, изобилующие сталактитами в виде накипов, игл, гроздов и почковатой коры. Есть еще три очень малые на берегу реки Маны, украшенные кристаллами исландского шпата.

Равнины.

Знаменитейшие равнины: Сагайская и тундра. Первая на юге; она простирается в длину на 250 верст и в ширину от 35 до 60. Она прилегает на западе и северо-западе к цепи и ветвям Карлы-Хана, на востоке и северо-востоке к ветвям Карлы-Хана и левому берегу Енисея; на юге к горам Сабинским. Она пересекается Абаканом, в который из Карлы-Хана текут множество превосходных источников. Другая равнина есть тундра, прилегающая на 600 верст к морю между Тазом и Анабаром; т. е. между 97° и 124° долготы. Она разделяется только одним пустынным хребтом, лежащим посередине от севера на юг. Она усеяна множеством озер и пересекается большими реками. Равнины Сагайская и тундра безлесны. Прочие равнины покрыты или густыми лесами, или рощами, или составляют поля и луга. Прилегающие по местам к левому берегу Енисея, от устья Качи до тундры, значительно обширны.

Замечательно, что почти все равнины находятся по левому берегу тех рек, к которым прилегают.

Возвышенные плоскости.

Возвышенные плоскости лежат на юго-восток между Енисеем и Тубою. На запад близ Чулыма по реке Сережу и речкам, в него от востока впадающим, до речек Ужура и Чернявки. В окрестностях устья Качи на северо-восток и северо-запад между устьями Качи и Кема; между течением Енисея и горами Кемчугскими и, наконец, по верховьям рек Рыбной, Агула, Кана; между Мурой и Ковой.

Глубокие долы.

Глубокие долы простираются везде между ветвями гор сообразно направлению и взаимному расстоянию друг от друга сих последних. По большей части долы сии не бывают очень широки и лежат от востока на запад; редко наоборот; но узкие овраги почти всегда с юга на север.

Почва земли.

Нет государства в Европе, которое бы заключало в себе столько изменений в свойствах земли и воздуха, как пространство, мною описываемое; а потому нет возможности изобразить их в общем объеме; тем более что разнообразие находится на самом близком расстоянии между двумя и тремя градусами, как например: от 53° до 55° все пространство обнесено каменистыми утесами гор, которые защищают со всех сторон от ветров и скалами своими, отражая лучи солнца, усиливают теплотвор. От 55° до 57° грунт земли находится в соответственном положении к породам второстепенных гор. От 57° до 59° дремучие хвойные леса, увеличивая кислотвор, значительно способствуют присутствию холода. Само собою разумеется, что от 59° до 69° постепенно уже должна изменяться почва земли; а далее, до берегов моря, существует ли она?

Поля между реками Тубою, Кажиром, Шадатом, Енисеем, поля у подножия гор Саянских, поля на верховье рек Рыбной, Кана, Кунгула и Агула содержат в себе самую лучшую почву земли: это совершенная *terrefranche*: рыхла, волокниста и сера. Она состоит из $^{1}/_{6}$ песка, $^{3}/_{6}$ мергельной, или известковой, глины, напитанной угольною кислотою, и $^{2}/_{6}$ чернозема, который есть произведение разрушенных растительных и животных частей. Глубина чернозема в равнинах и долах 1 аршин (71,12 см.— *Г. Б.*), а на холмах и нижних скатах гор $^{1}/_{2}$ аршина. В степи Сагайской почва земли есть не что иное, как чернозем, проникнутый селитрою, прикрывающий тонким слоем мелкий булыжник.

Почва земли по полям Чулыма, Сережа и рек, в них впадающих, и от устья речки Ужура на восток, до берегов Енисея, содержит в себе более глины и песка; слой сей почвы не простирается далее $^{3}/_{4}$ аршина на равнинах. Возвышенное положение гор Кемчугских и составные части преимущественно глинистые, отнимают надлежащее достоинство у земли, занимаемой сими горами. Почва земли от устья Качи на север до 57° широты, между Кемчугскими горами и Енисеем, имеет $^{3}/_{6}$ песка, $^{1}/_{6}$ чернозема и $^{2}/_{6}$ мергеля в смешении с глимером. В окрестностях Качи более частей глинистых, но не столь вязких; это глина кирпичная в соединении с известью. От течения реки Рыбной на восток до реки Бирюсы $^{1}/_{6}$ чернозема из разрушения растительных и животных, $^{3}/_{6}$ песку и $^{2}/_{6}$ мергельной глины, напитанной угольною кислотою. Далее до 59° широты чернозема несколько менее $^{1}/_{6}$ части, и тот состоит наиболее из произвольно разрушенных растительных частей, песка несколько более $^{2}/_{6}$ частей, мергельной

Абулгази Багадур-хан
(1603–1664)

См. комментарий № 7

глины, проникнутой угольною кислотою с содержанием железных частиц, $^{3}/_{6}$ части. Земли, лежащие по Ангаре, содержат более чернозема. Глубина почвы не менее $^{3}/_{4}$ аршина. До 69° широты постепенно уменьшается достоинство земной почвы; однако же не по отсутствию чернозема, который в соединении с илом и с песком составляет свойство, выгодное для растений, но по тем, так сказать, тискам, которыми она, беспрестанно приближаясь к северу, сжимается, т. е. жестокою атмосферою сверху и льдами снизу. В Туруханске не более как на аршин от поверхности земли она всегда находится в мерзлом положении. Не земля, но какой-то моховой туфор покрывает собою тундру, имея на поверхности мхи, а под собою не далее четверти мерзлую, иловатую землю, в которой нередко водружены бывают вроссыпь зерна янтаря и на большое пространство слои каменного угля.

Вообще почву земли от гор Саянских до устья Ангары, впадающей в Енисей, можно назвать отлично плодородною; но редко под нею лежат какие-нибудь слои земли, заключающей в себе вспомогательные средства для наружного плодотворного слоя: везде почти подлегают к нему плитник и булыжник.

Почва земли на юг находится также очень часто в соединении с горькоземом, натром и селитрою. В средней части с серым колчеданом и железною рудою; а к северу, до впадения Ангары или несколько далее, с железною рудою в виде глыб и различных кругляков.

Воды.

Земли сии, более или менее плодотворные, наполняются превосходными водами, из коих все почти сливаются с водами Енисея.

Енисей.

Енисей назывался в глубокой древности *Уйгур-Муран*. Абулгази Баядур-хан [7], владетель Харазмский, историк народа турецкого, говорит о нем: «Уйгур-Муран есть река великая, которая течет по границе киргизов; принимает многие в себя реки и впадает в Азов-Чингис (море Горькое). Между двумя реками, — продолжает он, — Селенгою и Уйгур-Мураном, жило поколение киргизцев. Оно занимало земли чрезвычайно приятные, которые были наполнены лесами и долинами злачными. Монголы и другие народы, присоединяясь к ним, умножали их семейства. По соседству с киргизами находились народы уйрядского поколения: торгоуты, курысы, утуласы, туматы, богучаны, ярмочины, телеуты, орачуты, косут-манты и урманкаты».

МИЛЛЕР
Герхард Фридрих
(1705–1783)

См. комментарий № 8

Миллер [8] именует реку, о которой Абулгази упоминает, *Кара-Муран* и разумеет под сим именем Амур, потому, что нерчинские тунгусы, называя ныне Амур Шилкиром, говорят, что он в древности имел название Карамур. Миллер находит величайшее сходство между словами кара и хара, муран и мур.

Фишер [9], не утверждаясь на догадках Миллера, чтобы река сия была Амур, говорит, что свойство Амура не есть свойство Кара-Мурана; что Кара-Муран по-турецки значит то же, что Гоан-Го, т. е. черная река; а так как Гоан-Го китайская имеет мутную воду, то она и есть настоящая Кара-Муран. Фишер хочет непременно, чтоб ему верили. «Сие не требует, — говорит он, — дальнейших доказательств; ибо дело уже решено».

Умный переводчик Абулгази, называя реку сию Икран-Муран, выказывает мнение свое, что она должна быть Енисей.

Ученый г. Клапрот [10] утверждает сие мнение, только читает другим образом подлинник: вместо Икран он выговаривает Уйгур и называет Енисей Уйгур-Мураном.

Будем подражать знаменитому ориенталисту в выговоре и проверим различные мнения по сему предмету.

Миллер и Фишер давали реке неправильное имя; а потому первый, поверя сказкам тунгусов и опираясь на одном сходстве имен, решительно уже не прав. Фишер отыскивал реку по наружному свойству воды; но он реки Гоан-го не видал и также поверил чужим словам. Енисей он видел, но не хотел узнать наружного свойства его; каким же образом хотел он сравнивать два предмета, не имея о них точного понятия? Енисей во время разливов своих, во время каждой бури так мутен, что не уступит не только Гоан-Го, но и никакой степной реке, и в сем случае он по всем правам мог бы назваться Кара-Муран, если бы был Кара-Муран; однако же он Уйгур-Муран; а потому достопочтеннейший г. Фишер также решительно ничего не доказал.

Переводчик Абулгази и г. Клапрот обратили внимание на местное положение. Как им известно было, что часть даурских киргизов обитала между Селенгою и Уйгур-Мураном, то они остановились на Селенге, сохранившей доселе имя свое, и приискивали другую реку, которая, вытекая из Монголии, впадала в море и близ которой находился бы какой-либо народ, сопредельный киргизам. По восточную сторону Селенги есть Амур, а где же телеуты? Каким образом обитатели Телецкого озера могли быть в соседстве киргизцам, живущим на Амуре? Но с западной стороны Селенги первая река, впадающая в море, есть Енисей, близ которого находится озеро Телецкое; а из сего выходит, что киргизцы жили не между Селенгою и Амуром, где нет телеутов, но между Селенгою и Енисеем, где были с ними соседями телеуты; следственно, Енисей есть Уйгур-Муран, о котором упоминает Абулгази, что подтверждается еще более, кроме телеутов, существованием урочищ, которые сохранили поныне название различных племен, живших по соседству с киргизами, как например: река *Мана*, деревня *Курысынская*, волость *Богучанская* [11], деревня *Торгоужанская*.

Древний Уйгур-Муран называется еще *Улуй-Кем* у татар в Монголии и Кемь (т. е. кто ты?) у татар степи Сагайской. Тунгусы называют его *Ие-Ханес*; остяки — *Гук*. Имя Енисея сообщили ему русские, испортив, может быть, слово тунгусское Иондиси, которым называют они Ангару при впадении в Енисей.

Гмелин говорит, что Енисей происходит из соединения рек Улуй-Кема (Каа-Хема. — *Г. Б.*) и Бей-Кема (Бий-Хема. — *Г. Б.*) и что он скоро увеличивается, приняв близ источника своего с левой стороны реки Абакан и Кемчуг. Улуй-Кем действительно выходит из озера, лежащего у подножия гор Великого Алтая, и Бом-Кемчуг (так выговаривают татары слово Бей, за Саянскими горами) течет из степей; но сей последний впадает, как и прочие реки, влившиеся до него и после него, в Улуй, следовательно, можно выбирать произвольно из целого ряда рек любую, чтобы родить Енисей от соединения с Улуй-Кемом; но оставим родословную Енисея и обратимся к его течению.

Исток.

Пробегая горы, он принимает в себя реки слева: Бом-Кемчуг, Теплую, Тытыраг, Шалтыраг, Таз, Сабе, Айхан, Юртенешь, Кантыгыр, Джою, Карлову, Саиоту, Ую; справа: Иус, Тополевую, Погорелку, Тебсель, Казыр, Казын, Кильби, Кузукту, Кара-су (*), Поплу, Улучим, Сих-су

Течение.

(*) При всяком, впрочем, татарском названии реки прилагается -су; наприм. Татараг-су, Курзукту-су.

ФИШЕР
Иоганн Эбергард
(1697–1771)

См. комментарий № 9

КЛАПРОТ
Юлиус Генрих
(1783–1835)

См. комментарий № 10

и Сизи-су (*). Енисей появляется из гор Саянских на северо-восток между 53° и 52° широты и 109° долготы и течет 240 верст до устья реки Белык, впадающей с правой стороны его, беспрестанными коленами, расположенными, впрочем, по прямой линии на северо-запад (**).

Равнина, та самая, которая лежит у подножия гор Сабинских, простирается с запада до устья Абакана; а Сагайская далее до горы Куни, где начинается хребет Абаканский. Справа, против самого почти устья Абакана, образуется большой остров, который огибается со всех сторон рукавом Енисея. Кроме известковой утесистой горы Кыг, возвышенной в угле между рекою и рукавом ее, нет других значительных возвышений. Первая ветвь гор Забайкальских упирается в Енисей сколою горы Тепсея. До сих мест Енисей, протекая плавно по равнинам, кажется, отдыхает от борьбы между гор Саянских с вековыми деревьями и глыбами поверженных утесов; но здесь он втекает снова в хребты гор. Ветви, окружающие берега Тубы и Сыды, прилегают к нему справа; цепь Абаканская облегает слева.

Между Белыком и Тесой поворачивает Енисей на северо-восток и в таком направлении доходит через 240 верст до устья Качи. Величественные утесы встречаются ему на пути. В иных местах, в особенности от запада, выдавшиеся и углубленные кубообразные камни красного шифера украшаются навислыми ветвями кустарников или плетенками вьющихся цветов. Нежная зелень, мешаясь с темным багрянцем угрюмых камней, составляет пленительную противоположность. Там, недалеко против впадения речки Черной, возвышается отдаленная от берега ущелинами четвероугольная башня, омываемая у подножия со всех сторон пенистыми струями. Она имеет широкий карниз с полотном и валиками; купол круглый с выемкою, протяженною к углам. Все это много повредилось от времени: карниз в некоторых местах обрушился, купол порос мохом, прекрасною зеленью и багряными ягодами эфедры. Древняя башня сия есть не что иное, как игра природы. Неподалеку от нее дымится вечно пещера — предмет чудных рассказов поселян.

Далее, близ устья Калы, возвышается перпендикулярно из вод утес, называемый Городовою стеною. Название совершенно приличное. На вершине ее расстилается пространная равнина, покрытая зеленью, что издали сообщает этой стене вид террасы великолепного замка.

Везде с правой стороны можно вырывать из утесов, сообразно с породами различных ветвей, куски гранита, яшмы, порфира. Здесь полосатый зеленый песчаник, здесь такой же кварц, здесь глауколит; но здесь еще не место

(*) Некоторые из сих рек, например Тополевая, Теплая, Карлова, Погорелка, не имеют татарских названий, и наоборот, некоторые реки удерживают между русскими татарское название, например: Бем-Кемчуг, Кантагыр, Уя, Иус, Тебсель, Саетка, Казыр. Остальные имеют двойное название — русское и татарское: Татараг-су, Листьянка; Шалшираг-су, Тополевая; Тас-су, Каменная; Сабе-су, Пашкина; Айхан-су, Головина; Юртенешь-су, Таловка; Джая, Чой; Казым-су, Корельсук; Кильби-су, Березовка; Кузяхту-су, Абдыр; Кара-су, Сосновка; Попла-су, Попловка; Улучим-су, Соболева; Сих-су, Голуба; Сизи-су, Сиза.

(**) На сем пространстве впадают в него с правой стороны рр. Шунерка, Шум, Оя, Коя, Лугаж, Кебеж, Туба, Сыда; с левой — Абакан, Тесь, Ташеба, Биж, три соединенных Коксы, Кодыр, Сыда, Белык.

описывать породы земли, так же как исчислять надписи, встречающиеся беспрестанно на утесах до обоих берегов Калы.

Расширяясь более и более, быстро Енисей журчит между островами, поросшими кедрами, лиственницей, цветами, кустарниками, и плавно несется между берегов своих, иногда возвышенных, иногда плоских, смотря по прикосновению гор и расстоянию одной ветви от другой. Это относится к берегу правому. Левый с большим постоянством поддерживает связь высот своих. Наконец впадает справа речка Дербина; скоро за нею раздались ветви горные, глубокая долина прилегла к водам, и река разлилась по ее поверхности. Самое русло ее в сих местах возвысилось, и образовалась пространная мель, по которой с большой трудностью могут проходить суда.

Между тем вдали показывается, по словами Палласа, узел гор, т. е. соединение Абаканских, Чулымских и Кемчугских. Вечные туманы облегают всегда сизые вершины их, покрытые дремучим лесом; беспрестанные дожди омывают черные утесы, и ветер с воем дует в ущелины. К такому наружному свойству левого берега присоединена с правого ветвь менее возвышенная, более правильная, но столь же утесистая и так же осененная лесом. Утесы обоих берегов сблизились, сдавили Енисей и составили трубу на 70 верст, до самого устья Качи. Здесь западная сторона отличается мергельными своими пещерами, известковыми или шиферными пирамидами; а восточная — гордою скалою Кызям. Енисей, вырвавшись из утесов, разливается на две версты и течет прямо на восток. Против устья Качи, на правом берегу его, находятся две платформы, или две террасы: ветви примыкающих гор, иногда прорезывая их, упираются утесами в самые воды, а иногда стоят на них, как на подножии (*).

Енисей близь устья Качи течет совершенно на восток, потом на север сперва в час по 10 верст, потом по 20; и снова по 10 между островов близ устья р. Есауловки, от которой поворачивает на северо-восток, до устья речки Бузима и немного далее. До сего поворота от Качи течение Енисея простирается на 150 верст. Сначала горы с правой стороны отклоняются, с левой исчезают; долины прилегают к берегам; но снова на горизонте синеют горы. Потом попеременно встречаются высоты и места отлогие. Близ устья Кана Енисей течет 50 верст в час. Равнина бесконечная со всех сторон, ни одной горы на всем горизонте. Течение Енисея склоняется на северо-запад до устья речки Белокопытовой и длится на 100 верст. Холмистые горы справа, крутой берег слева; на нем сосны и березняк. Близ устья речки Бобровки, вливающейся слева, показываются уже утесы и вдаются в воду. Далее общий вид берегов отзывается Кемчугом.

За устьем речки Шилки есть порог, предшествуемый так называемым Подпорожьем, которое простирается на 2 версты, а самый порог на 3. Через первый пробегают суда в 11 минут. Через последний в 7. При переходе чувствуется слабое колебание. В малую воду волны хлещут через суда (**).

(*) От устья Белыка до Качи Енисей принимает в себя реки: справа — Тес, Колу, Убей, Слеим, Черемухову, Гаргат, Дербину, Ману, а слева — Агур, Езагаж и Качу.

(**) До сих мест от устья Качи впадают в Енисей справа: речки Березовка, Есауловка, р. Кан.

От устья речки Белокопытовой до устья Дубчесы на пространстве 550 верст Енисей имеет общее направление на запад, северо-запад; но в 50 верстах от Белокопытовой, покрытый островами, заворачивается он вкруте на запад, где от востока впадает Ангара в самый угол его.

Правый берег Енисея версты на 3 покрыт малыми утесами; но потом снова с обеих сторон открываются леса пихтовые и ближе к берегам березовые. Островов мало. Река течет раздольнее: в иных местах на 3 и на 4 версты в ширину с частыми разливами; но близ устья Черной речки равнины возвышаются, утесы глинистой породы тянутся до устья речки Анцыферовской.

Близ устья реки Суртихи прилегают к правому берегу утесистые возвышения, поросшие пихтовым лесом; иногда исчезают, иногда снова появляются. Левый берег без возвышений; из густых кустов его выказывается наконец река Дубчеса и впадает в Енисей. Немного повыше, близ речки Кутукос, находится большой подводный камень (*), а ниже устья начинается многоостровие, состоящее более нежели из 70 островов. Они лежат по Енисею на пространстве 40 верст. Каждый из них имеет свое название. Между ними Холедей, Абешь и Эдыгинг, заставляют мыслить, что они служили некогда кочевьем диких орд. Острова сии поросли тальником и даже деревьями хвойными. Дремучий лес покрывает берега Енисея. Не доходя устья речки Осиновой находятся подводные камни, так называемая *Зеленая Луда*. Скоро за ними показываются из воды в разных местах груды камней, известные под названием *Амбаров*. За ними следует мель *Гремячая*, ибо слышен звук булыжника, гремящего по руслу реки, и наконец встречается порог мелкий, но чрезвычайно быстрый.

Вдруг на северо-восток раздаются значительно с обеих сторон берега Енисея и, простираясь в виде правильных дуг направо и налево, смыкаются впереди, образуя круглое озеро, посреди которого возвышаются из воды два острова, покрытые купами зелени. Берега озера становятся час от часу выше к тому месту, где обманутое зрение представляет их совершенно сомкнутыми так, что кажется, Енисей оканчивает свое течение в сем великом хранилище вод. Только тогда откроется тайна, когда, обошед одну дугу берега, станешь приближаться к противоположной стороне того места, с которого вплывают в озеро. Северо-восточный ветер обращает внимание путника; еще несколько вперед, и ему представится узкий канал, образованный самою природою, коего стены составляются из огромных утесов и который заслонился от противоположной стороны выдававшеюся скалою и островом. Можно себе представить, с какою быстротою стремится Енисей из разлива в сие отверстие, ведущее к новому разливу совершенно другого образования!

В первом все живо, покойно и светло. Прозрачная зелень кустарников; леса лиственничные, в которых тень гнездится только по корням деревьев;

(*) Между устьем Белокопытовой и устьем Дубчесы впадают в Енисей справа река Ангара, или Верхняя Тунгуска; речка Климовская, Костылышкова, Каменная, Березовая, Зырянка, Чермениха, Черная, Пичугина; реки Пит и Кия; речки Вяткина, Кобейширин, Гарева, Суртиха, Напорьина, Исакова, Сурпиха, Баранова, Салаха, Кутукас, Ханжиха, Порошиха. С левой стороны речки: Бурмакина, Боровская, Козмина, Сомова, река Кемь, речки Тюмениха, Това, Анцыферовская, Оверина, Половинная; Савина, Пучеглазка, Чистоклетевка, река Касс; речки Талова, Ярцовка; река Сым, речка Чусулан.

вершины гор с их смелыми скалами, отуманенными отдаленностью; гладкая поверхность вод, почти необозримых, которые лежат как зеркало у подножия амфитеатра, образованного рукою природы с удивительным великолепием в со всею правильностью, — все это вместе составляет изящное целое, и если бы оно дышало на полотне, я сказал бы, что мягкость кисти и теплый тон картины довершают искусство художника. Я не видал подобного места в Швейцарии. Это истинный образец улыбающейся, девственной природы для живописца, поэта и садовника.

Другой разлив — жилище преступников. Он занимает пространство не более как на 200 сажен и обнесен со всех сторон утесами так, что косвенно только западное солнце оживляет багрянцем бурые вершины их, осененные дремучим лесом. Посреди сей ограды возвышаются из воды две отдельные горы, ровные с нею вершинами и покрытые между скалами хвойными деревьями. Народ называет одну из них *Быком*, а другую *Кораблем*. Енисей, разделяясь на рукава между ними и выдавшимися из вод зубчатыми скалами, между различными впадинами, ущельями и стенами хребта, мчится с быстротою, осыпая пеною окрестности. Эхо соединяет шум черных валов с ревом ветра и криком пловцов, которые всегда с величайшею трудностью успевают направлять бег судна по месту, менее опасному.

Ворота Туруханска.

Переход сей называют обыкновенно *Камнем*. Я назвал бы его *воротами Туруханска* [12], потому что сия ветвь гор, через которую так могущественно пробился Енисей, составляет естественный предел полярному краю.

При выходе из сих ворот, или, ежели угодно, из сего Камня, на северо-запад с правой стороны находятся два дерновых вала, один выше другого, из которых передний как будто бы перекопан, так что вода, заливаясь через сей перекоп, образует водяной ров. Целое представляет из себя часть какого-то полевого укрепления — обыкновенная игра природы на берегах Енисея. Через час плавания от сего места впадает в Енисей с правой стороны Тунгуска Средняя, или Подкаменная, получившая название от каменного хребта, ей сопутствующего.

Устье Дубчесы от сей Тунгуски 85 верст (*). От нее течет Енисей хотя разными коленами, но в прямом направлении 290 (**) верст на северо-запад до устья речки Попии. Берега однообразны; вдали леса; изредка острова.

От речки Попии до Тунгуски Нижней Енисей течет прямо к северу 264 версты (***).

(*) Реки, впадающие на сем пространстве в Енисей с левой стороны: река Дубчеса; речка Понбинская, Сухая, Вороговская, Перхина, Хахалева, Плавильная. С правой — Порошиха, Киселиха, Осиновая, Ботова, Хлотиха, Поскакушка.

(**) На сем пространстве впадают в Енисей с правой стороны: река Подкаменная Тунгуска; две речки Сумарочихи, Осиновка, Копейная, Варламкова; река Бахта, речки: Чулкова, Имбак, Комса. С левой: речка Виска, Комсина, Качина, Инзеревка, Бахилинка, Исарчиха, Сенева, Байбелева, Виска-Фультина, Елагуй, Алия.

(***) Реки на сем пространстве, впадающие в Енисей с восточной стороны: речка Нижняя Имбатка, Большая Фатьяниха, Бакланиха, Виска-Спеская, Сухая, Тунгуска, Сарафаниха, Мельничная, Мироедиха, и река Нижняя Тунгуска. С левой стороны: Фига и Сунгутиха; но она не что иное вместе с Алиею и Попиею, как рукава Елагуя.

ГИППОКРАТ
Косский
(ок. 460–377 до н.э.)

См. комментарий № 13

Он расширяется приметным образом от речки Имбака, в иных местах на 6 и более верст. Гор нет. Леса дремучие с восточной стороны; кустарники с западной. Нижняя Тунгуска сливается с Енисеем в таком же направлении, как Подкаменная, Сым и Ангара. От устья Нижней Тунгуски Енисей склоняется к западу и через 10 верст, разделяясь на три рукава, образует два большие острова, сохраняя настоящее русло свое, в восточном рукаве. Обогнувшись совершенным почти кольцом на юго-запад, вдруг выпрямляется он под острым углом к северо-западу; потом делает еще четверть круга на юго-запад, выбегает на юг многими рукавами и снова возвращается; на пути соединяется с малыми озерами и гонит их воды в свои пределы.

Такая игра Енисея, простирающегося здесь, на главном русле, в широту до пяти верст, продолжается на 320 верст, начинаясь в 10 верстах от устья Нижней Тунгуски и оканчиваясь устьем реки большого Полая (*), откуда устремляется по прямой линии на северо-запад, делая на ней беспрестанные углы и образуя острова. Берега плоски и до устья Хатанги, даже Фокиной; покрыты лесами, состоящими из лиственницы, ели, сосны, березы, ольхи, черемухи и тальника, но хвойные деревья чрезвычайно тонки. Далее начинают леса редеть, мельчать, и наконец при устье речки Авамы исчезают совершенно. Видны в иных местах низкие кусты орешника и тальника. Енисей, шириною в 10 верст, быстро несется в пустынной равнине по мхам, встречает на пути своем близ устья рр. Малышевки и Точеной дресвяные холмы среди крупных возвышений, вздымает на них воды свои и, ниспускаясь, разливается на 60 верст в широту. Здесь омывает он в прямом течении более 50 островов и образует 22 (**) через рукава, обращенные на запад. Течение Енисея от устья речки большого Полая до сего разлива простирается на 390 верст (***).

Многоостровие тянется на 170 верст в длину по прямой линии (****). Наконец берега Енисея суживаются на расстояние 20 верст; выступ одного из них соответствует выгибу другого. Величественный Енисей плавно течет еще на пространстве 75 верст (*****), склоняется более к западу и впадает в море Ледовитое под 71° 51’ широты.

(*) На сем пространстве впадают в Енисей реки справа: Шориха, Сильно-Курейка, Курейка, Колинкина и две Денежницы; а слева: Гремячиха, Ледебва, Куркина, две Виски и Ермаков Полай.

(**) Известнейшие из тех и других: Казанцев, Максунский, Турханичь, Черной Ташкин, Суханов, Лапатин, Сапожной, Стручков, Летый, Охотский, Высокий и наконец острова Гусиные.

(***) Речки на сем пространстве, впадающие справа: Калпикова, Хатайка, Калевка, Симонова, Фокина, Аван, две речки Дудины и Малышевка. Слева: речки большой Полай, Агарская, Сазанкова, Юрацкая, Еремина, Немытиха, Кочевка, Кычегова, Позаруй, Юрацкая, Пастушья, Точеная и две малых Хеты.

(****) Впадают речки справа: Максунья, Могунха, Ямна, Средняя, Лукановская, Разбойная, Тетеря, Каморка. Слева из рукава: Соленая, Марежная, Половинная, Полай, Ямна, Талама, Уяра.

(*****) Впадают реки справа: Галчиха (Гончиха. — *Г.Б.*), Грибовая, Сопочная, Сараха, Глубокая, Каменная, Зырянка, Крестовая, Губка. Слева: Ошмарина, Красная, Лайдина, Межевая, Нижняя.

Длина течения реки Енисея. Свойство берегов и русла.

Енисей от гор Саянских до моря течет разными изгибами 2874 версты (3487 км. — *Г. Б.*). Его течение в горах и по равнине Монгольской остается неизвестным. Правый берег его всегда возвышеннее. На нем беспрестанно выказываются уступы примойного булыжника в горизонтальные слои глинистой, с первого взгляда, массы, которая, будучи растреснута перпендикулярно, представляет кубическую кристаллизацию, но в самом деле это есть кремнистая порода, облеченная только на полтора вершка цементом глины, дресвы, песка и мельчайшего булыжника. Это доказывает, что дно Енисея состоит из их частей, которые во время разлития и бурь поднимаются на поверхность. Сия кора цемента, похожего иногда на брецию, лежащая на высоких утесах, показывает довольно частые и довольно сильные бури, плескавшие столь высоко волны со дна реки; также как примойные ступени крупного булыжника определяют высоту поверхности прибиваемых вод во время реки. Енисей разливается два раза: первый разлив под именем *Снежницы* бывает мая 9 или несколько позднее (по новому стилю 21 мая. — *Г. Б.*); второй *Коренной* в половине июня, и тогда в особенности замечается мутность воды и наиболее у верховья реки, при появлении ее с гор до устья Тубы. При ее разливе во время плавания судов слышится беспрестанное шипение вод: так быстро несется она и с такою силою поднимает с русла песок и мелкие частицы дресвы, что они производят шум через трение о бока судна.

Разлив.

Свойство воды.

Вода Енисея всегда имеет вид зеленоватый, а во время разлива или бури зелень превращается в цвет глинистый; но, почерпнутая в стакан, с быстротою осаживается, представляясь в величайшей прозрачности. Старик Гиппократ [13] назвал бы Енисей жестким и холодным, лишающим беременных женщин молока, потому что течет на север. Если бы Гиппократ побывал в настоящее время в Сибири, с первого взгляда утвердился бы в мнении своем: сибирячки действительно мало кормят детей молоком своим, заменяя его коровьим; но это происходит от лени, а не от свойства Енисея, ибо то же делают женщины берегов Тубы и других рек, текущих на запад и восток. Он еще более ошибся бы в других свойствах воды Енисея: температура ее не холоднее других рек одного с нею климата. Конечно, омывая собою бесчисленные породы и кварца, и глины, и шифера, и известки, и мергеля, и асфальта, она должна бы быть жестка и вредна, однако же не такова; напротив, приятна и здорова. Нет сомнения, что тому причиною беспрестанное, так сказать, процеживание ее через булыжник, которым усеяно русло ее, и песок, беспрестанно крутящийся со дна до самой поверхности.

Устье.

Устье Енисея простирается на 70 верст. Полярное течение наносит к берегам великие горы льда. Никто не измерял их; но промышленники уверяют, что они возвышаются до 70 и более сажен.

Опровержение некоторых мнений Енисея.

Остается заключить описание Енисея опровержением того мнения, что река сия не есть Енисей, но Ангара; а Енисей только впадает в сию последнюю.

Заблуждение сие произошло или от того, что завоеватели казаки могли тунгусское название Иондиси, т. е. Ангары, с испорченным выговором Енисея, сообщить реке, называемой тунгусами Иеханес, а татарами — Кем; или от ложного взгляда на образ соединения Ангары с Енисеем. По крайней мере сие последнее можно полагать главнейшею причиною.

Енисей, как было уже сказано выше, протекая на север, вдруг загибается круто на запад, и тогда же Ангара впадает в его угол. Положение земной поверхности так способствовало сему впадению, что берег Ангары сомкнулся почти в прямой линии с берегом Енисея, и течение сего последнего сделалось как бы продолжением Ангарского течения. Точно так же Подкаменная Тунгуска, Сым и Тунгуска Нижняя впадают в Енисей; итак, судя по образу впадения, ежели Енисей следует почитать Ангарою, то при впадении Подкаменной Тунгуски эту Ангару следует почитать Подкаменною Тунгускою. Сию последнюю Сымом; Сым — Нижнею Тунгускою и устье реки принадлежащим уже сей последней; но тогда по сей новой категории и самую Оку следует признавать за Волгу, ибо она подобным образом впала в последнюю, как Ангара в Енисей.

Наружность, как знает всякий, обманчива. Лучше прежде, чем делать какое-нибудь заключение, исследовать предмет основательнее: во-первых, при самом устье Ангары известковые утесы берегов ее весьма разнятся с плоскою местностью берегов Енисея. Подобная разность есть не что иное, как обыкновенное приближение к нему какой-либо ветви, заключающей в себе породу, ей свойственную. Ангарская, так же как и другие, прикасается и исчезает, и снова по берегу Енисея простирается такая же равнина, какая и прежде шла до устья Ангары. Во-вторых, вода Ангары, прозрачная и черная, вливаясь в Енисей, резко отделяется от его вод, возмущаемых песком; течет на некоторое пространство в таком положении близ правого берега и потом поглощается Енисеем, как Ока Волгою. В-третьих, трудно видеть русло Енисея; в Ангаре, по словам народа, можно считать камни. В-четвертых, воды Енисея мягки и приятны; воды Ангары — известь. Пятое: лед во всех устьях рек, впадающих в Енисей, трогается после его вскрытия; а в реке Ангаре несравненно после всех рек; наконец, шестое: хотя Енисей изменяет берега свои сообразно с прилегающими к нему ветвями гор, но имеет отличительную черту по всему пространству своего течения — это великие террасы, или возвышения, более похожие на произведение искусства, нежели природы, видимые по всему правому берегу реки, от гор Саянских до Нижней Тунгуски, и не существующие на берегах Ангары от Байкала до впадения ее в Енисей.

Все сии доводы, кажется, достаточны для доказательства, что Енисей есть Енисей. Странно желать произвольно, с какою-то прихотливостью и настойчивостью уверять в том, что противно сущей справедливости; но не простительно тем, которые, издавая учебные книги, распространяют выдумки за истину, в особенности при описании своего отечества, как г. Каменецкий [14], который, приняв за основание безотчетные сказания Семивского [15] и самонадеянные Фишера, одним почерком пера хотел уничтожить Енисей, а древний Уйгур-Муран произвести в Кем. Даже и в сем случае не Ангара, а Кем должна бы была впадать в море Ледовитое.

Приступая к описанию вод, не имеющих соединения с Енисеем, почитаю также необходимым обозначить источники и описать течение замечательнейших из того числа, коих устья исчислены уже выше в примечаниях.

Абакан.

Абакан вытекает на северо-восток из того угла гор, который составился от протяжения Алтая к востоку и отклонившейся от него цепи к северу. В Абакан сливаются реки с правой стороны: Джебашь, Арбат, Киндерли, Табат, Ут, Бея; с левой: Матур, Кеня, Кираджуль, Таттын, Имяк, Тиоя, Исса, Аскис,